

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ № 1 • 2010

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

ВЫСТРАИВАЯ ОТНОШЕНИЯ
С МУСУЛЬМАНСКИМ МИРОМ

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ WORKING PAPERS

Серия «Рабочие материалы» основана в 1999 г.

Полная или частичная перепечатка данной публикации возможна только с письменного согласия Московского Центра Карнеги. При цитировании ссылка на издание обязательна.

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2.

Тел.: (495) 935-8904.

Факс: (495) 935-8906.

Эл. почта: info@carnegie.ru.

Интернет: <http://www.carnegie.ru>.

Электронные версии всех публикаций Московского Центра Карнеги:

<http://www.carnegie.ru/ru/pubs>.

Статьи и доклады, издаваемые Московским Центром Карнеги в серии «Рабочие материалы», обеспечивают читательской аудитории оперативный доступ к наиболее актуальным исследованиям по вопросам внешней и внутренней политики в России и Евразии. В серии публикуются либо промежуточные итоги работы, либо материалы, заслуживающие немедленного внимания читателей. Ваши отклики и комментарии просим направлять авторам работ по вышеуказанному адресу.

В издании отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Редактор А. И. Иоффе

В работе предпринята попытка коротко ответить на несколько вопросов. Как улучшить отношения между мусульманским миром и Америкой, Европой и Россией? Существует ли мусульманский мир как некий самостоятельный субъект международных отношений? Насколько важно учитывать влияние на политику мусульманских стран религиозной идентичности их обществ? Как адекватно воспринимать исламизм, ставший одной из главных идейно-политических тенденций в мусульманском мире? Вести ли диалог с мусульманскими радикалами? Что сделать для разрешения уже существующих конфликтов, в которые втянуты мусульмане и немусульмане, а также для предотвращения конфликтов потенциальных? Да и можно ли в принципе добиться их окончательного разрешения?

Об авторе

Алексей Малашенко — доктор исторических наук, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Как понимать исламскую идентичность?	6
Исламизм не есть терроризм.....	9
Общность частных конфликтов.....	13
Появятся ли новые векторы на мусульманском направлении?	14
Заключение.....	20
О Фонде Карнеги.....	23

ВВЕДЕНИЕ

Трудности отношений мусульманского мира с остальным миром остаются одной из главных проблем мировой политики. Понятие «мусульманский мир» (будем обозначать его для краткости ММ) означает территории, на которых проживают мусульмане и где они следуют или пытаются следовать «исламскому образу жизни», т. е. идущим от религиозной традиции поведенческим нормам. ММ включает в себя мусульманские государства, компактно проживающие мусульманские меньшинства, мусульманскую миграцию, среди которой сильны настроения в пользу поддержания своей религиозной идентичности. Отсюда следует тождественность понятий «мусульманский мир» и «мусульманская умма», которое с арабского языка переводится как «мусульманская нация» и включает в себя всех мусульман независимо от места их проживания.

Под «остальным миром» понимаются Европа, США, Китай, Россия, Индия и т. д., т. е. те страны, где мусульмане цивилизационно и географически соприкасаются с иными обществами и регионами. Трудности общения заключаются во взаимной подозрительности, во встречных обвинениях в экспансии — политической, идеологической. Их показателем являются военно-политические конфликты, в которых мусульмане противостоят немусульманам или же одни мусульмане противостоят другим мусульманам, опираясь на помощь Европы, Америки либо России.

ММ может восприниматься двояко: и как совокупность государств с их собственными интересами, которые часто противоречат друг другу, и как некая политическая общность, главной скрепой которой служит ислам. Первый подход не требует дополнительных комментариев: субъектами политики являются национальные государства, интересы которых не обусловлены религиозной принадлежностью. Второй подход, основанный на восприятии ММ как мозаичной, но тем не менее квазиполитической общности, начал формироваться сравнительно недавно — в последнее двадцатилетие XX в. Он обусловлен политизацией религии, формированием близкого, а подчас и единого мнения мусульман относительно роли Запада в конфликтах, а также усилением во всех мусульманских странах исламизма.

Даваемые исламизму определения лапидарны и чаще всего носят дескриптивный характер. Для сталкивающихся с исламизмом политиков они недостаточны. Кратким и предметным его определением представляется следующее: *исламизм есть идущие от ислама политическая практика и идеология, целями которых являются:*

- *формирование общества, живущего в соответствии с законами шариата;*
- *последующее создание исламского государства;*
- *институционализация мировой мусульманской уммы.*

Исламизм проявляется по вертикали — он может быть умеренным, радикальным, экстремистским, а также по горизонтали — на локальном, национальном, региональном, мировом уровнях. В идеологии степень его радикализма определяется территориальным масштабом. «Аль-Каида» претендует на решение глобальных проблем, тогда как умеренные исламисты сосредотачиваются на решении региональных и национальных задач (отсюда, между прочим, неясность, к какой категории исламистов следует отнести афганских талибов).

Субъектность ММ определяется понятием исламской солидарности, которое, несмотря на свою краткость и условность, есть часть этики и общественного сознания мировой уммы. Все национальные элиты ММ признают себя частью уммы. Организация «Исламская конференция» — религиозно-политическое объединение. Выражением солидарности является Исламский банк развития, другие международные мусульманские организации, созданные на религиозной основе.

Солидарность мусульман становится заметной в критических ситуациях, в том числе когда имеет место противостояние с иноверцами. Она выказывается на всех этапах

мусульманского общества. Чтобы понять это, достаточно хоть раз пообщаться с рядовым верующим в любой мусульманской стране. Солидарность с палестинцами, «понимание» афганских талибов, которое выражается в том, что правительства мусульманских стран не препятствуют своим гражданам сражаться на стороне афганских инсургентов, уважение (сочетающееся со страхом) к ядерным амбициям Ирана — все это лежит в религиозно-политической плоскости.

ММ тяготеет к тому, чтобы именоваться исламским, ибо ислам — это то, что формирует мировоззрение его обитателей. Действующие внутри ММ религиозные движения или группировки прямо или косвенно оказываются по сути политическими движениями. С другой стороны, трудно признать светскими режимы стран Персидского залива. Живущий в Европе исламовед Бассам Тибби считает, что «даже сегодня на Ближнем Востоке нельзя обнаружить секуляризованную систему»¹. Если это выражение понимать как обозначение системы, полностью свободной от ислама, то д-р Тибби прав. Нельзя, например, считать секуляризованной политическую систему Палестины, правительство которой сформировано ХАМАСом (даже притом что власть этого исламистского правительства ограничивается сектором Газа). Условен секуляризм политической системы Ливана, основанной на распределении по религиозному принципу основных государственных постов. Религиозный компонент оказывает влияние на формально светскую политическую систему Сирии. Относительна секулярность политической системы Ирака, также зависящей от суннито-шиитского противостояния, причем радикальная часть шиитов открыто говорит о необходимости создания в стране исламского государства.

Но даже если не соглашаться с Тибби и признать наличие в регионе секуляризованных систем, следует признать и некоторую их хрупкость, т. е. возможность потенциального отступления от секуляристских идеалов. Например, в Египте, который можно представить как оплот секулярной системы, существуют открытые противники секуляризма, прежде всего «Братья-мусульмане», растущее влияние которых сдерживает лишь авторитарная форма правления в этой стране.

Словом, ислам влияет на обустройство политического пространства ММ, которое им перенасыщено.

Понадобилось определенное время, чтобы немусульмане приспособились к появлению непривычного субъекта мировой политики — ММ, его, так сказать, *политической материальности*. Разумеется, ММ невозможно «потрогать» — заключить с ним союз, договор, заставить соблюдать правила политической игры. Америка, Европа, Россия, Китай ощутили себя участниками бесконечного общения с трудноуловимым собеседником, влияющим на их внутренние проблемы (Кавказ, Синьцзян, миграция, терроризм).

О чем писал Сэмюэл Хантингтон, если не делать упор на пресловутое «столкновение цивилизаций»? О необходимости принимать во внимание цивилизационный фактор, который существовал всегда, но виделся статичной декорацией, ландшафтом, на котором разворачивается геополитический спектакль. Задолго до того в этом ключе рассуждали, например, Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, а еще раньше Николай Данилевский.

В XX в. политики и большинство их консультантов предпочитали рассматривать ислам в его конкретных — страновых — проявлениях, хотя некоторые специалисты признавали самоценность религиозного фактора. Объявление Бушем-младшим крестового похода после 11 сентября 2001 г. (затем многократно дезавуированное) явилось инстинктивным признанием того, что дело приходится иметь с ММ, как минимум с одной из форм его политического самовыражения, динамичной и дееспособной, — с исламизмом.

¹ *Tibi B.* The crisis of Modern Islam. — Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1988. — P. 133.

ММ ассоциируется, в первую очередь, с его радикальной частью и вызывает страх, который не проговаривается открыто, но слышится за официальной фразеологией. Именно этот страх способствовал легитимации самого понятия «мусульманский мир». В каком-то смысле ММ и ислам оказались почти тождественными. Сделались обыденными заголовки книг и статей наподобие «Ислам и Россия», «Политика США в мусульманском мире», «Исламский вызов» и пр.

Стала привычной острота и даже конфликтность отношений Европы, Америки, России с ММ. Судя по вышедшей в 2009 г. во Франции книге «Les Think Tanks, cerveaux de la guerre des idées» («Фабрики мысли, мозги войны идей»), фигурирующая в ее названии война все чаще разворачивается именно вокруг проблем данных отношений. Все упоминающиеся в этом обстоятельном труде исследовательские центры уделяют огромное внимание мусульманской теме. Частные (исторические, культурные, политические) обстоятельства трудностей общения описаны неоднократно. Однако самое главное — понимая их причины, предложить *реальные* пути преодоления этих трудностей.

ММ в остальном мире имплицитно оказался поделенным на три сегмента — враждебный, дружественный и нейтральный. Первый сегмент понятен — это противник. Второй включает вестернизированные политические и бизнес-элиты и их окружение. К третьему сегменту была отнесена вся остальная, большая часть мусульманского социума, готовая в крайних ситуациях солидаризироваться с радикалами, но в то же время рефлексивная, открытая для диалога. По отношению к этому сегменту Запад усвоил обращение педагога к отстающему ученику, нуждающемуся в обучении, в усвоении демократических ценностей. Весьма характерно это было для американских политиков (в особенности для администрации Джорджа Буша-младшего).

Интересно, что Запад, сам того не ведая, зеркально воссоздал исламскую концепцию тройственного членения мира на *дар аль-харб* (территорию войны), *дар аль-ислам* (территорию мира) и *дар аль-акд* (территорию договора), где мусульмане мирно сосуществуют с иноверцами (христианами).

Иногда отношения между ММ и Западом и Россией² рассматриваются через призму вызовов и ответов. Одним считают, что вызов бросил Запад, другие — что мусульманский Восток. Ислам как новая религия не мог не содержать вызова религиям старым, а первые исламские завоевательные походы (*fatx*) также были вызовом. Впоследствии же христиано-европейская реакция переходила в ответный вызов и так далее вплоть до нашего времени. Подобный подход предполагает неизбежный оттенок взаимной агрессивности и даже некоторой безнадежности. Однако если рассматривать связку «вызов — ответ» как взаимозависимость цивилизаций, состязательность между ними, признавая неизбежность конфликтов, которые приводят к переменам, то даже нынешняя острая ситуация не выглядит столь трагически, а скорее обозначает необходимость переустройства системы международных отношений, что в конце концов, пусть и мучительно, но происходит.

Как понимать исламскую идентичность?

По мнению российского политика Шамиля Султанова, «даже в случае социальной деградации и социального распада того или иного мусульманского общества ислам обеспечивал воспроизводство системы ценностных критериев, не допускавших разрушительного кризиса личности»³.

² Россия, несмотря на ее претензии на особую позицию посредника между ММ и остальным миром, на ее поликонфессиональность, все же воспринимается мусульманами как часть западного мира или во всяком случае как его естественный союзник, что особенно усилилось после интервенции в Афганистане и чеченских войн.

³ Султанов Ш. Основная проблема для Запада — ислам // Вестн. аналитики. — 2008. — № 3. — С. 110.

Ислам всегда жестко ограждал и воссоздавал систему ценностей, нормативов не только частного, но социального и политического поведения мусульман, предохраняя их от смешения с соседями. Обостренное стремление самоопределиваться относительно иных культур в исламе возникло изначально. Пророк Мухаммад должен был четко размежеваться со схожими с исламом более ранними монотеистическими религиями — иудаизмом и христианством, доказывая, что его религия не есть обыкновенное эпигонство. Ислам видел угрозу со стороны соседних монотеизмов, что впоследствии стало причиной запрета иноверцам посещать Мекку и Медину, а также запрета мусульманину покидать свою веру (если это случилось, бывший правоверный нес жестокое наказание).

Одновременно Мухаммад позиционировал мусульманскую общину как самую совершенную общественную систему (исламское протогосударство). Борьба за религиозную самобытность сразу оказалась политизированной.

На протяжении первых веков идеология ислама служила обоснованием успешных войн, которые мусульмане вели на всех направлениях, создавая могущественные халифаты (Омейядский, Аббасидский) и империи (Великих Моголов, Османскую). Но в Средние века начинается упадок, и мусульманское сообщество с конца XVIII в. переходит к обороне, отстаивая не только право быть равным христианскому миру, но и свою независимость. Цивилизационная идентичность мусульман оказалась ущемленной и пребывает в этом состоянии по сей день.

Начиная с XIX в. на протяжении всего XX в., на рубеже XX—XXI вв. при нарастающей глобализации опасность деформации, частичной утраты идентичности становится реальной как никогда. Утрата политической самостоятельности, помноженная на культурную, идеологическую экспансию Запада, требовала от мусульман решительного бескомпромиссного ответа.

Борьба за идентичность обернулась идеализацией «золотого прошлого». Охранительная тенденция неминуемо обретает наступательный характер, культивирует непримиримость, в конечном счете убеждает, что мусульмане окружены недругами. «Не идти на компромисс, подчеркивать различия!» — этот опубликованный в журнале «Американский мусульманин»⁴ призыв остается актуальным и очень популярным. Одновременно у мусульман складывается устойчивый стереотип восприятия Запада как врага ислама. Настороженность проявляется в отношении Китая, да и России. Уместно вспомнить, что еще аятолла Хомейни определил Советский Союз как «малого Сатану» («большим Сатаной» были Соединенные Штаты).

Гипертрофия идентичности, которая в первое десятилетие нынешнего века продолжает обостряться, сопровождается нелепыми, порой трагическими казусами. Как первую ее иллюстрацию вспомним смертный приговор, который Хомейни вынес в 1989 г. известному писателю Салману Рушди за его роман «Сатанинские стихи». Спустя двадцать лет экстремисты попытались привести в исполнение вынесенный ими смертный приговор художнику Курту Вестергору, чья опубликованная в 2006 г. в датской газете «Юлландс Постен» карикатура на пророка Мухаммада вызвала волну негодования в мусульманском мире, сопровождавшуюся массовыми демонстрациями и разгромами западных посольств.

В 2006 г. мусульманским фанатиком был приговорен к смерти и позже убит голландский кинодокументалист Тео Ван Гог (потомок знаменитого художника), снявший фильм «Покорность» об унижительном с его точки зрения положении женщины в исламе. К смерти была приговорена сценаристка фильма, уроженка Сомали Айан Хареи Али. Тогда же по требованию мусульман в берлинской «Deutsche Oper» было отменено

⁴ *Sister Um-Bilab El-Hisbi*. Da'wah (Call to Islam) Does and Dont's // American Muslim. — 2000. — Vol. 1. — № 2. — Apr. — P. 11 (<http://www.masnet.org>).

представление оперы Моцарта «Идоменей, царь Критский», в ходе которого показывалась отрубленная голова пророка Мухаммада (а заодно и античного бога Посейдона, Будды и Иисуса Христа).

Примерно в то же время один сомалийский радикал призвал силой ответить на выступление папы римского Бенедикта XVI, восславившего итальянскую монахиню Леонеллу Згарбати, убитую в Сомали возле детского госпиталя, где она работала медсестрой. В Судане в 2007 г. исламские радикалы хотели подвергнуть публичной порке преподавательницу-англичанку Джиллиан Гиббонс, на уроке которой мальчик-мусульманин дал плюшевому медвежонку имя Мухаммад (по их мнению, тем самым был оскорблен Пророк). «Аль-Каида» и боевики из иракской «Джейш аль-муджахидин» обещали нанести удар по Ватикану за то, что Бенедикт XVI в выступлении в Регенсбурге процитировал византийского императора Мануила II, который негативно отзывался о Пророке. В России у некоторых мусульман вызывает раздражение то, что на российском государственном гербе присутствует крест (кстати, едва различимый).

Конечно, нетерпимость встречается и среди христиан, что в последнее время наблюдалось, например, в отношении фильма итальянского режиссера Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», а в России — в связи с организованной в 2003 г. в музее Сахарова выставкой «Осторожно, религия!». Однако нетерпимость не носила широкого характера и не имела серьезных политических последствий. В целом христиане сравнительно толерантны к изображению и высказываниям, связанным с их Богом и святынями. Ни один мусульманин не рискнул бы произнести применительно к исламу аналог ницшевского «Я не люблю “Нового завета”»⁵.

Обостренное чувство идентичности гиперболизировало дихотомию «мы / они (немусульмане)», сделав ее одним из главных факторов, формирующих в ММ общественное сознание.

В этом же контексте можно рассматривать и концепты исламского государства, исламской экономики, которые формируются на базе религиозной идентичности. Мусульмане могут выступать за демократию — но за исламскую, за права человека — но за их исламскую интерпретацию. Отсюда жестко негативное восприятие глобализации, которая ассоциируется с прямой угрозой идентичности, с навязыванием извне чуждых ценностей с последующим уничтожением конфессиональной идентичности мусульман и, наконец, с прямым политическим и военным давлением. Между прочим, отсюда же подозрительность к разрабатываемым для мусульман в Америке и Европе образовательно-просветительским программам.

Стремление оградить идентичность от постороннего воздействия приводит к попыткам создать исламское пространство на территориях, где мусульмане составляют меньшинство. В Европе, России, США открываются халяльные магазины, мусульманские бассейны, парикмахерские, действуют мусульманские банки. Выстраивается закрытая система исламского образования. Лидеры мусульманских общин требуют от своих подопечных соблюдать соответствующие нормы поведения и одежды. Вопрос ношения женщинами платка давно превратился из религиозной проблемы в политическую. Исламское пространство организуется по принципу ограничения или запрета (никто не создает христианских бассейнов или магазинов). Сохранение исламской идентичности там, где мусульмане составляют меньшинство, в немалой степени сказывается на отношениях между ММ и остальным миром. У мусульман на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Турции, Пакистане, а заодно на Кавказе, в Центральной Азии восприятие европейского, российского общества формируется в том числе под влиянием того, как там относятся к меньшинствам их единоверцев (будь то коренные жители или мигранты).

⁵ Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч. в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 511.

Европа, Америка, Россия не имеют четкой позиции относительно того, как воспринимать обостренное чувство идентичности у мусульман. С одной стороны, в Европе исходят из очевидного принципа отделения религии от государства и свободы самовыражения, с другой — все чаще возникает боязнь, что некоторые вполне нормальные, даже незаметные в демократическом обществе поступки могут восприниматься мусульманами как посягательство на их идентичность, как оскорбление. Страхом обидеть мусульман объясняются унижительные оправдания Бенедикта XVI за ссылку на византийского императора, отказ дирекции берлинского театра от исполнения упомянутой оперы Моцарта, извинения некоторых политиков за публикации карикатур на Пророка, увольнение «дерзких» редакторов и такие явления, как, например, выделение в Италии для мусульман (мусульманских женщин) специальных пляжей.

Необходимость уважать право людей на выражение своей религиозной идентичности не вызывает сомнения. Но и толерантность имеет разумные пределы. Учитывать специфику ислама отнюдь не означает принимать (зачастую под угрозой) все требования его приверженцев. Мусульманам придется учиться воспринимать как должное то, что об исламе может быть и иное мнение. Перед Европой, Россией, Соединенными Штатами стоит очень непростая задача убедить мусульман, что ислам не может восприниматься в остальном мире как религиозный эксклюзив.

Понимание друг друга должно взаимным: не обижаться, не испытывать комплекса неполноценности, когда тебе что-то не нравится в позиции другого. Не стоит навязывать другому чрезмерный пиетет к самому себе, тем более требовать от «иноверца» пунктуальнейшего соблюдения норм собственной традиции. И тут перспективы обоюдного самосовершенствования безграничны у носителей каждой цивилизации.

Исламизм не есть терроризм

«Каким бы ни было его выражение — умеренное или радикальное, революционное, мирное, силовое, даже террористическое, исламизм подтверждает свою аутентичность, свой альтруизм, заботу только об интересах народа, в котором он зародился», — таков панегирик исламизму французского исламоведа Жиля Кепеля⁶.

Предложенная Кепелем дефиниция, на мой взгляд, отражает феномен исламизма адекватно, а главное, спокойно и без лишних эмоций, присущих очень многим исследователям, особенно российским. Исламизм в разных вариантах под разными наименованиями присущ исламу на протяжении всей его истории. В его нынешней актуализации нет ничего сверхъестественного и неожиданного. Он останется наиболее энергичным направлением в исламской идеологии и сохранит влияние на политику.

Исламисты предлагают свою альтернативу видения мира, свое обустройство общества и его отношений с государством, идущую от ислама социальную справедливость. Эта модель может казаться утопией. Но она уже укоренилась на мусульманском пространстве, ее следует уважать и уж как минимум не считать девиантной. Тем более что требование следовать исламским нормам не только в личной, но и в общественной, политической жизни звучит повсеместно, в том числе от мусульман, лояльных светскому государству. Призывы вернуться к шариату исходят как от радикальной, так и от умеренно настроенной части мусульман, что, заметим, имеет место на российском Северном Кавказе.

В исламизме выделяются три направления — умеренное, радикальное и экстремистское. Исламисты стоят во главе таких стран, как Иран (радикалы), Турция (умеренные), они сформировали правительство Палестины (экстремистский ХАМАС)⁷, находились у власти в Судане, Афганистане, участвуют в правящих коалициях (Йемен,

⁶ *Kepel G. The War for Muslim Minds.* — [S. l.]: Harvard Univ. Press, 2004. — P. 63–64.

⁷ Влияние хамасовцев распространяется на сектор Газа, тем не менее они остаются легитимным правительством, созданным в результате победы ХАМАСа на парламентских выборах 2006 г.

Бангладеш), Они присутствуют в парламентах подавляющего большинства мусульманских стран, повсеместно формируют мощную уличную оппозицию. Если бы не решительность действующих в большинстве мусульманских государств авторитарных режимов и не внешняя помощь, они могли бы оказаться у власти. Исламисты ведут борьбу за власть в Пакистане, способны изменить ситуацию в Египте, Ираке, Бангладеш. Растет потенциал исламизма в Африке. Исламисты сильны на Северном Кавказе, кое-какие перспективы они имеют в Центральной Азии.

Отношение к исламистам повсеместно становится более адекватным. На Западе политики уже не рассматривают их как однозначное зло и в принципе готовы иметь с ними дело. Однако абсолютно толерантное восприятие исламизма невозможно ввиду наличия у него крайнего крыла — экстремизма со всеми его террористическими проявлениями. Борьба с терроризмом становится вечной, как и сам терроризм. Террористы бросили вызов не просто Западу, а вообще устройству мира, по которому может быть нанесен любой удар, оправданный с их точки зрения служением Всевышнему. 11 сентября 2001 г. — символическая демонстрация способности и готовности террористов поступать, как заблагорассудится, не считаясь ни с какими законами человеческого общества.

Терроризм возник не сам по себе, тем более он не является производным от религии. В каком-то смысле это экстраполяция на сегодняшний день освободительного движения XIX—XX вв., в идеологии которого присутствовал джихад. Прежний джихад шел против колонизаторов, нынешний — против их наследников. Выиграв войну за освобождение, большинство мусульманских стран экономически и политически не стало вровень с бывшими метрополиями. Квазиколонизатором видятся США, которые применяют силу по отношению к неудобным им режимам, а иногда в том же обвиняют и Россию.

Российский ученый Георгий Мирский называет исламизм «третьей ступенью ракеты деколонизации». Терроризм же — «боеголовка исламизма». Показательно, что некоторые арабские лидеры исламистского движения рассчитывают, что раздражение против бывших колониальных держав может способствовать рекрутированию в него свежих сил⁸. В то же время его адепты выступают и против мусульманских режимов, не способных решать внутренние социальные и экономические проблемы и «презревших» исламские нормы и образ жизни. Такие политики именуется «мунафиками» (лицемерами), бывшими во времена Пророка одними из его главных врагов.

Терроризм ассоциируется с джихадизмом (глобальным джихадизмом), являющимся главным противником «имперского глобализма». «11 сентября разбудило могущественные соперничающие идеологии: глобальный джихадизм восстал против имперского глобализма, — пишет Манфред Стиджер. — Один стремился уменьшить военную и экономическую мощь Запада и военным или мирным путем заново выстроить умму, другой (и это часто связывается с идеологией неоконсерваторов и развернувшейся после 2001 г. войной с террором) — использовать экономическую и военную мощь Соединенных Штатов, чтобы “демократизировать” живущий не по правилам мир и “распоряжаться” им»⁹.

Более осторожную позицию занимает политолог, бывший редактор журнала «Foreign Policy» Уильям Добсон, который назвал 11 сентября «днем, когда ничего существенно не изменилось» и писал, что «трагедия 11 сентября была проявлением беспорядка в однополярном мире, который возник еще раньше», с исчезновением Советского

⁸ Filiti J.-P. Al-Qaeda in the Islamic: Algerian Challenge or Global Threat. — Washington, Oct. 2009. — P. 8. — (Carnegie Papers; № 104).

⁹ Steger M. B. The Rise of the Global Imaginary: Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror. — New York: Oxford Univ. Press, 2008. — P. 236.

Союза¹⁰. Сразу после сентябрьского теракта автор этих строк опубликовал материал «А мир остался прежним...», в котором говорилось, что это событие «не повлекло за собой существенного пересмотра политических установок и ориентаций у отдельных государств и политических блоков»¹¹. Оно стало продолжением (на тот момент кульминацией) предыдущих жестоких терактов, происходивших в самых разных регионах мира. После же нью-йоркской трагедии взгляд на мусульманский мир стал еще более определенным: 11 сентября заложило в «стену непонимания» недостающий кирпичик. Дело не в количестве жертв, а в очевидной возможности последующих угрожающих действий, бытовым символом которой стали раздражающие досмотры в аэропортах. Мы все понимаем, что эти обыски не отменят никогда.

«Противостоя угрозе, американцы ощущают себя супергероями», что дает возможность «восстановить утраченное чувство национальной виральности»¹². Это суждение американских специалистов Ами Залман и Джонатана Кларка дает лишний аргумент в пользу распространенной в первой половине 2000-х годов идеи однополярного, с безусловным американским доминированием мира. В 2001 г. такое самовосприятие было неизбежно. Оно утвердилось в администрации Буша-младшего, соответствовало настроениям американского общества, наконец, оно подпитывалось академической наукой, авторитетами которой были Хантингтон и советчик администрации Буша по вопросам ислама Бернард Льюис.

«Проблема же Бен Ладена в том, что он считает: такого рода шоковая терапия решит проблемы мусульманских стран. Но это не так»¹³. В связи с переобустройством ММ любопытно высказывание члена действующей в Центральной Азии радикальной партии «Хизб ат-Тахрир», пробывшего несколько лет в узбекской тюрьме Дильера Джумабекова: «...Мы не проповедуем насилие... смена политических режимов в ряде стран и создание халифата произойдет исключительно мирным путем... Эти режимы (не поступающие по законам ислама правительства в мусульманских странах. — А. М.) нежизнеспособны и со временем рухнут сами. Власть сама упадет к нам в руки. Мы никуда не торопимся... Халифат будет не только в Центральной Азии, но везде, где живут мусульмане»¹⁴. Но и такая «мягкая терапия» тоже представляется нереальной.

Обе идеологии стали специфическим отражением универсалистских тенденций на Западе и в мусульманском мире, о чем свидетельствует некоторая формальная схожесть в риторике их выразителей и интерпретаторов. И здесь, и там звучат апокалипсические мотивы — действия конкурента несут всеобщие разрушение и гибель. Получается, что в схватке сошлись две утопии.

Религиозно-идеологическая мотивация является основой деятельности наиболее экстремистских группировок. В глазах участников таких групп любой их поступок заранее полностью оправдан и не подлежит никакому сомнению.

Приверженец ХАМАС мусульманский поэт Шади аль-Айюби в стихотворении «Гордое имя Хамас» пишет:

Только творцу наши души подвластны,
Только его провидением живем...¹⁵

¹⁰ Dobson W. J. The Day Nothing Much Changed // Foreign Policy. — 2006. — Sept./Oct. — P. 22–23.

¹¹ Малащенко А. А мир остался прежним... — М., 2001. — С. 1. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; Т. 3, сент.—окт., вып. 9–10).

¹² Zalman A., Clarke J. The Global War on Terror: a Narrative in Need of a Rewrite // Ethic and Intern. Affairs. — 2009. — Vol. 23.2. — Summer (http://lianlianbushe.cn/read-6833_-The-Global-War-on-Terror-A-Narrative-in-Need-of-a-Rewrite-by-Jonathan-Clarke.htm).

¹³ Morrison J. «Clash of Civilizations»: Who is to blame? // Intern. Herald Tribune. — 2006. — June 22.

¹⁴ Ахмедханов Б. Халифат Россия // Моск. новости. — 2006. — 22 дек.

¹⁵ Хамас — хвала героя — Хамас. — М.: Халяль-дизайн, 2008. — С. 94.

Это двустороннее вполне могло стать припевом к гипотетическому «гимну “аль-Каиды”», если бы кто-то захотел его написать.

Перечень врагов джихадистов, объектов их атак включает «крестоносцев», бывших колонизаторов, персонально Америку, Китай, Россию, оскорбителей ислама, предавшие ислам мусульманские режимы. Наконец, врагами считаются мусульмане, живущие в государствах, правители которых нарушают заповеди ислама и не могут считаться мусульманами¹⁶. Таким образом, под прицелом джихадистов может оказаться кто угодно.

Каковы цели исламистского экстремизма? Назвать их в порядке приоритетности нельзя. Зато вполне возможно классифицировать эти цели с точки зрения реальности их реализации.

Первая цель — заявить о себе как о реальной политической силе, с которой нельзя не считаться.

Вторая — действуя «асимметрично», сражаться на равных с намного более могущественным в военно-техническом отношении врагом, нанося ему болезненные удары, подрывая его уверенность в собственных силах.

Третья — добиться массового признания своей трактовки ислама в мусульманском сообществе, не обязательно всеми мусульманами, но их значительной частью.

Первые три цели достигнуты.

Четвертая цель — стать единственной силой, которая в состоянии коренным образом изменить положение внутри ММ. Эта цель не достигнута, ибо, несмотря на рост симпатий к крайним формам действия, мусульмане слабо представляют себе, насколько экстремисты способны к созидательной деятельности (например, опыт ХАМАСа на этом поприще скорее негативен). Да и исторический опыт свидетельствует, что революционеры, пусть даже религиозные, — плохие строители.

Пятая цель — «реисламизировать» по своему образцу умму, сплотить ее вокруг себя. И эта задача также не выполнена. Крайние интерпретации ислама, сопутствующие им действия вызывают отторжение у людей. К тому же большинство мусульман, критикуя Запад, все же не поддерживают идею вечной конфронтации с ним.

Однако для исламистов более важно даже не осуществление их целей, а перманентное сражение за них.

Средством для решения поставленных задач экстремисты объявляют джихад.

В мусульманской доктрине джихад имеет широкое толкование: «большой джихад» — самосовершенствование, любое дело, совершаемое во благо ислама и мусульманской общины, «малый джихад» — сражение против врагов ислама. Джихад есть состояние мусульманина, один из важнейших компонентов религии. Джихад — единство мировоззрения и практики.

Недаром «патриарх» исламского радикального мировоззрения Ибн Таймийя (1263–1328) объявил его шестым столпом ислама¹⁷. «Посредством джихада, — писал он, — Аллах объединяет сердца мусульман и устанавливает между ними любовь. Джихад направляет всю силу мусульман на врагов Аллаха и их врагов. Цель Джихада заключается в том, чтобы все исповедовали только религию Аллаха, и чтобы Слово Аллаха было превыше всего».

«...Джихад есть целостная доктрина и совокупность практических действий, которые иногда сознательно, иногда неосознанно фокусируются на насилии и военных действиях. Посредством джихада мусульмане участвовали в сотворении мифа. Таким

¹⁶ Отсюда жестокость, с которой экстремисты совершают убийства мирных жителей включая женщин и детей.

¹⁷ В исламе существует пять столпов веры — *шахада* (признание единого Бога и его пророка Мухаммада), молитва, *закят* (налог в пользу неимущих), пост, паломничество в Мекку и Медину.

образом в их действиях отражались символические и практические ценности»¹⁸. Это определение американского исследователя Майкла Боннера справедливо, хотя и категорично, ибо в нем акцентируется силовой аспект джихада. Но именно такая экспликация джихада распространена сегодня во всем мире. Она вполне объяснима: как мирное, созидательное усилие он всегда будет оставаться за кадром. В самом деле, нельзя же постоянно напоминать, что любая работа, будь то у станка или за письменным столом, есть джихад. Зато он автоматически становится рельефен в ходе конфликта, когда направлен *против* чего-то, точнее, кого-то. Джихад осязаем в боевой обстановке, когда он превращается в боевой клич. Именно такой джихад ассоциируется со ставшим популярным в научной литературе понятием «джихадизм». Именно джихад становится идеологией любого военного конфликта, в котором участвуют мусульмане, даже если они сражаются между собой.

Общность частных конфликтов

Конфликты по границам мусульманского мира и внутри него имеют разную мотивацию. Поводом для них практически никогда не оказывается религия (иногда она является предлогом). Ближневосточный кризис возник не из-за межрелигиозных противоречий. Пакистан изготовил бомбу не ради защиты ислама. Чеченский сепаратизм начинался как светский, националистический. Был далек от религии и саддамовский Ирак. И, уж конечно, не ислам спровоцировал советское вторжение в Афганистан.

Однако конфликты и кризисы разворачиваются *в исламском пространстве*, и в каждом из них с большей или меньшей последовательностью обязательно появляется исламская составляющая. Джихадом стало сопротивление в Афганистане и Чечне, с исламом связана активизация палестинского движения.

Разрешить кризис в отдельно взятой мусульманской стране или вокруг нее становится все труднее: ММ представляется системой сообщающихся сосудов, наполненных однородным религиозным содержанием. Наиболее мобильной его составляющей является исламизм, легко проникающий в социальные и политические поры, придающий конфликту религиозное звучание.

Развязанная Кремлем афганская война была частным эпизодом, вписавшимся, однако, в общий ход истории, подтолкнувшим общий процесс радикализации ислама. В тренировочных лагерях на территории Афганистана готовились боевые группы с Филиппин, из Алжира, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Синьцзяна, с Северного Кавказа... «Афганцы» присутствуют в Ираке, на Ближнем Востоке, в Чечне, Центральной Азии, Индии, Пакистане. Наконец, они действуют в самом Афганистане. Все прошли Афганистан. Против СССР там сражалось 3 тыс. алжирцев¹⁹, соразмерное количество палестинцев, выходцев из других стран Ближнего Востока. Конечно, мировой исламский радикализм состоялся бы и без советской интервенции. Но не будь ее, Афганистан вряд ли впоследствии оказался бы в руках талибов.

Проблема Афганистана, не говоря уже о ее региональном значении, о влиянии на ближайших соседей, в конечном счете выросла в проблему глобальную. Интересно, что идеолог «аль-Каиды» Айман аз-Завахири трактовал войну против советской оккупации Афганистана как репетицию, как аналог войны мусульман с сасанидским Ираном перед тем, как они вторглись в VII в. в Византию²⁰. Иными словами, он увидел здесь своего рода пролог к новой волне исламской экспансии.

Мировым является конфликт на Ближнем Востоке, к которому деятельно подключился исламистский Иран. Активность исламистов на Северном Кавказе поддержива-

¹⁸ Bonner M. Jihad in Islamic History: Doctrine and Practice. — [S. l.]: Princeton Univ. Press, 2006. — P. 174.

¹⁹ Nasiri O. Inside Jihad: My Life with Al Qaeda. A Spy's Story / Introd. of G. Corera. — New York: Basic Books, 2006. — P. viii.

²⁰ Kepel G. Op. cit. — P. 74.

ется их зарубежными единомышленниками. *Мусульманской* конфликтной зоной остается китайская провинция Синьцзян.

Было бы ошибкой рассматривать вне исламского контекста ядерную программу Ирана. В риторике иранского президента Махмуда Ахмадинежада прочитывается стремление восстановить *именем ислама* справедливость на Ближнем Востоке. Иран претендует на роль исламского лидера. И в Израиле к такому повороту относятся исключительно серьезно. Иранская атомная бомба может изменить расстановку сил на Каспии, спровоцировать создание египетского, саудовского аналогов этого оружия. В конечном счете в ММ может состояться «девальвация» ядерного оружия, что облегчит доступ к нему радикальных исламских организаций.

Продуктивным выходом для Запада может оказаться не стремление любой ценой добиться разрешения конфликтов, а переход к осторожному управлению ими. И тогда, например, афганский конфликт из плоскости войны перейдет в поиск консенсусов, неустойчивых, но тем не менее способствующих поддержанию стабильности. Этот вопрос со всей очевидностью стоял на состоявшейся в январе 2010 г. международной конференции в Лондоне, где был поддержан курс на контакты и диалог с «умеренным», готовым на компромисс крылом талибов.

Нечто похожее, хотя и с неудачным результатом, уже имело место в Сомали, где в 2009 г. лидер местных радикалов Шариф Шейх Ахмед при помощи США был избран на пост президента, однако к консолидации нации на исламской основе это не привело. Тем не менее сомалийская неудача отнюдь не закрывает диалога с исламистскими оппонентами.

Другой вариант – силовой, своего рода «тактика выжженной земли», война на уничтожение противника. За это придется дорого платить. К тому же противник не уничтожаем в принципе. Даже самый тоталитарный диктатор в мусульманском мире не в состоянии избавиться от присутствия исламизма.

Исследователь Афганистана Антонио Джустоцци начинает свою книгу «Коран, Калашников и персональный компьютер» делаемыми с 2002 г. заявлениями военных, политиков и журналистов о том, что талибы дезорганизованы и их осталось совсем мало ²¹. Нечто подобное мы слышим на всем протяжении кавказских войн, равно как и о победах над терроризмом, о предстоящем решении ближневосточного конфликта. В этом ключе нередко пишется и говорится также о неизбежном уже начавшемся уходе с политической сцены исламизма. Однако исламисты не ушли и уходить не собираются.

Появятся ли новые векторы на мусульманском направлении?

Взгляд на ислам и ММ в значительной степени формируется под знаком «исламской угрозы». Он отражает обоснованный страх перед интернациональным религиозно-политическим экстремизмом, перед распространенной среди мусульман симпатией к «крайностям джихада», перед не разрешаемыми конфликтами.

Президент США Барак Обама решил начать перестройку системы международных политических отношений, за что его наградили Нобелевской премией мира. Он получил ее (воспользуемся кораническим языком) за *нийят*, т. е. за намерение, которое высоко ценится в исламе. В контексте общих перемен Обама дерзнул «перезагрузить» (термин, пригодный не только для американско-российских отношений) отношения США с ММ. Одновременно эта «перезагрузка» видится шагом на пути общей западно-мусульманской нормализации, ослабления взаимных ксенофобских настроений. Американский президент изменил тональность диалога с мусульманами, отказался от присущего его предшественнику менторства. Он не акцентирует вопросы внедрения демократии, делая упор на равноправном партнерстве. В 2009 г. в Каире Обама, обра-

²¹ Giustozzi A. Koran, Kalashnikov and Laptop. – New York: Columbia Univ. Press, 2008. – P. 1.

щась *ко всем мусульманам*, предложил им совместное решение проблем: «Америка будет защищать себя, уважая суверенитет других народов и закон»²².

Обама объявил о закрытии в январе 2010 г. тюрьмы в Гуантанамо, где подвергались пыткам обвинявшиеся в терроризме заключенные, и заявил о возобновлении признания Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г., т. е. фактически признал экстремистов воюющей стороной.

Знаменательно, что старшим советником специального представителя США в Афганистане Ричарда Холбрука стал верящий в грядущий прогресс мусульманского мира американец иранского происхождения Вали Наср. Если учесть, что по исламским делам республиканцы советовались с нелюбимым в мусульманском мире Бернардом Льюисом, — это шаг примечательный. Правда, в глазах мусульман Вали Наср — реформатор-западник (хотя в его позиции обнаруживаются черты традиционализма), что вызывает по отношению к нему понятную настороженность.

В ММ следят за действиями Обамы. На присуждение ему Нобелевской премии откликнулись талибы. Они осудили это награждение, но любопытно, что они вообще обратили внимание на это событие.

Чего ожидают мусульмане от Обамы? Прежде всего — признания (пусть косвенного) американской вины за ухудшение отношений с ММ. Это признание де-факто ими получено. Далее они ждут шагов (фактически уступок) в урегулировании конфликтов. На этом направлении ситуация почти не изменилась.

В новом мышлении Обамы касательно афганского конфликта, ситуации на Ближнем Востоке, иранской ядерной программы пока нет качественно новых формулировок. В 2009 г. Обама нужна была громкая победа, которая, однако, откладывается на неопределенное время. К тому же вероятно формирование новых конфликтов в Йемене, Судане, которые создадут новые «линии фронта» и сделают «перезагрузку» отношений с ММ совсем проблематичной. Газета «The Wall Street Journal» писала, что Обама, несмотря на свой новый подход, фактически остался на позициях политики бушевской эры²³. А по мнению пакистанского аналитика и журналиста Тарика Фатеми, «его стратегия все же была военной с едва заметным упоминанием политического плана»²⁴. После нескольких месяцев терпения в конце 2009 г. с уст Обамы сорвалось слово, которого он длительное время избегал, — «война» (против терроризма). Заметим попутно, что тюрьма в Гуантанамо так и не была закрыта в обещанный срок.

Обама не в состоянии переосмыслить основные императивы войны с террором. Еще не начав реализовываться, стратегия президента США обнаружила свою хрупкость. Обама не сумел быстро доказать мусульманам необратимость принятого им курса. Сомнения вызывает этот курс и у европейских партнеров Америки, у ее союзника Израиля. С оттенком тайного злорадства наблюдают за трудностями Обамы в Москве.

В одночасье уйти от бушевского наследия просто-напросто невозможно. Обама действительно пытается отказаться от недавних стереотипов (об этом свидетельствует появление в истеблишменте людей с нестандартным мышлением). Против Обамы работает фактор времени. Если США не удастся переломить ситуацию в Афганистане, это обрушит надежды на улучшение отношений с ММ, добавит упорства радикалам, которые ощутят прилив сил, обамовский неуспех негативно скажется на ближневосточном конфликте, на интриге вокруг иранской ядерной программы, на ситуации в Ираке.

²² Associated Press. — 2009. — June 5.

²³ Obama Antiterror Progress // The Wall Street J. — 2009. — Feb. 13.

²⁴ Fatemi T. Some working developments // Dawn.com. — 2009. — Dec. 17 (<http://www.dawn.com/wps/wcm/connect/dawn-content-library/dawn/news/pakistan/14-some-worrying-developments-zj-03>).

Какие изменения претерпевают **российско-мусульманские** отношения? Президент Дмитрий Медведев и премьер Владимир Путин по-прежнему склонны обращаться *ко всем мусульманам*.

По всей видимости, Кремль пребывает в затруднительном положении. Попытки играть роль медиатора между Западом и ММ, на что Россия делала упор в 2000-е годы, себя не оправдали. Она не сумела выступить посредником на Ближнем Востоке, ей не удастся реализовать себя в конфликте вокруг иранской ядерной программы, равно нулю ее влияние в Ираке. Москва постоянно оказывается перед выбором — стоит ли ей оказывать поддержку палестинскому ХАМАСу, который она рассматривает как специфическую часть национального движения, иранскому президенту Ахмадинежаду или теснее сблизиться с США и их союзниками. Однако Россия не может полностью поддержать американскую позицию, что грозит ей утратой собственной политической ниши.

Все это ощутимо и в афганском конфликте, где Россия не имеет реальной возможности играть отдельную роль. Транзит через российскую территорию грузов для натовской коалиции в Афганистане при всей его важности выполняет вспомогательные функции (в крайней ситуации он может осуществляться и минуя Россию).

Конструктивной, более решительной позиции России мешает и общественное мнение — большинство россиян выступает против интенсивного вмешательства в афганский кризис. Отправка в Афганистан российских воинских подразделений невозможна, хотя в Москве и можно услышать неофициальные мнения, что, дескать, «русский солдат пользуется уважением среди афганцев».

На российскую политику влияет наличие внутри страны 20-миллионного мусульманского сообщества²⁵ (что дает возможность говорить о ее фрагментарной включенности в ММ). В предыдущие годы это обстоятельство служило для Кремля веским основанием, чтобы подтверждать особый, «промежуточный» статус России, ее способность адекватнее, чем Запад, воспринимать интересы мусульманского мира (этому способствует и задействованное в официальной идеологии евразийство).

Однако во второй половине 2000-х годов стало ясно, что об однозначно позитивной роли во внешней политике «внутреннего ислама» говорить не приходится. «Свой ислам» создает проблемы внутри России, распространяемые российскими исламскими радикалами идеи практически тождественны тем, что популярны среди их единомышленников на Ближнем Востоке, в регионе Персидского залива, Афганистане.

Российская власть недооценивает память мусульман о войне в Афганистане, как недооценивает и реакцию на свои действия против исламской оппозиции на Северном Кавказе и, разумеется, на чеченские войны. Уместно привести замечания марокканца Омара Насири, автора мемуаров «Джихад изнутри: Моя жизнь с “аль-Каидой”. Шпионская история», в которой он вспоминает свои юношеские ощущения от советского вторжения в Афганистан: «Я много знал о об этом. Как каждый юноша в Марокко, да и во всем мусульманском мире, я следил за вторжением Красной армии в Афганистан. И, как все, я ненавидел русских»²⁶.

Ставшая в глазах мусульманского сообщества продолжением советского вторжения в Афганистан война в Чечне установила рубеж между Россией и мусульманским миром. Омар Насири с уважением пишет о чеченцах, с которыми ему довелось проходить обучение в 1990-е годы в афганских тренировочных лагерях. Начавшись как чисто внутрироссийская проблема, чеченский конфликт был воспринят в ММ как форма «междивилизационного противостояния». Первая чеченская война (1994–1996 гг.) в

²⁵ Именно это количество мусульман упоминают президент Медведев, премьер Путин и министр иностранных дел Лавров.

²⁶ Nasiri O. Op. cit. — P. 22.

то время вообще смотрелась как наиболее острое событие в отношениях между мусульманами и «неверными».

Хотя правительства мусульманских государств, которые по инерции продолжали видеть в России потенциального союзника в противостоянии западцентристской глобализации, реагировали на чеченскую войну более сдержанно, мусульманская общественность, неправительственные организации воспринимали ее как борьбу России против ислама.

Для Москвы 11 сентября 2001 г. явилось дополнительным предлогом для оправдания самых жестоких методов ведения войны на Кавказе. Касавшиеся террористической активности российские официальные комментарии сводились прежде всего к тому, что эта война — почти исключительно результат внешнего влияния. Исходящая от исламистского экстремизма, пусть и на страновом уровне, угроза использовалась, во-первых, для подъема «национальной мужественности», что соотносимо с ее ролью в США, во-вторых, для выстраивания пресловутой властной вертикали (отмена выборов губернаторов последовала непосредственно вслед за терактом в Беслане в 2004 г.).

В 2005—2008 гг. Россия предприняла попытку расширить свои связи в разных концах ММ. Это было связано с общим курсом на диверсификацию внешней политики, с ухудшением отношений с Европой и США. Российские политики, в том числе Владимир Путин, встречались с лидерами Ливии, Египта, Сирии, Иордании, Алжира, Саудовской Аравии, Палестины. Были подписаны договоры об экономическом и военно-техническом сотрудничестве. На встречах всякий раз упоминались особые связи России с ММ. Но эти сентенции звучали как чистая формальность, тогда как речь шла о сугубо двусторонних вопросах. Однако отношения оказались непростыми и на этом уровне. Некоторые из заключенных договоров оказались слишком трудны для реализации, а иные были вообще быстро аннулированы. Общие интересы России в ММ выглядят ограниченными, а в вопросах энергетики — еще и конкурирующими. И, конечно, сотрудничество с мусульманскими государствами не может стать альтернативой западному вектору.

Россия не получила сколько-нибудь значимых дивидендов от своего присутствия на правах наблюдателя в Организации «Исламская конференция», куда она была принята в 2005 г. Ее роль там практически незаметна. У России нет возможностей и, похоже, большого желания придерживаться оказавшейся мифом идеи о возможности играть роль моста между мусульманской уммой и Западом.

Несмотря на по-прежнему исходящие от российских политиков-мусульман разговоры об особых отношениях между Россией и ММ, мусульманский курс внешней политики Москвы выражен пунктирно, а иногда даже двусмысленно. Тем более что не было заметно реального встречного движения со стороны ММ. Провозглашенный Россией внешнеполитический прагматизм определяет упор на двусторонние отношения, тогда как вовлеченность, даже не столь значительная, в конфликты требует самоопределения относительно ММ и собственно ислама.

В Европе восприятие ММ как общности будет возрастать. Это определяется как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Так, вовлеченность НАТО в решение проблемы Афганистана все серьезнее заставляет европейцев задумываться о том, насколько этот конфликт может развиваться вширь и не окажется ли в итоге, что он будет все больше сказываться на европейско-мусульманских отношениях, обостряя внутренние проблемы Европы. Происходившие в Испании, Великобритании, Франции теракты суть продолжение конфликтов, которые разворачиваются за рубежом. Отношение к терроризму как к постигшей Европу «случайности» в виде наказания за поддержку Америки, распространенное в начале десятилетия, сменилось страхом перед реальностью его возобновления.

Европейцы нервно переживают рост мусульманской миграции. Число мигрантов из мусульманских стран, по неофициальным данным, уже превысило 25 млн и продолжает увеличиваться. Проникновение и закрепление ислама в Европе — это политическая и культурная данность, которую коренное население еще только начинает переваривать. Европейцы видят, как на их территорию внедряется мусульманский мир, общение с которым становится все более тесным. Попытки выработать универсальный подход к расселяющимся на европейском пространстве мусульманам не дают нужного эффекта. Несостоятельными оказались и адаптационная, и ассимиляционистская, и мультикультуралистская модели. Вероятно, со временем все они сольются в причудливую подвижную комбинацию или даже комбинации, которые будут приспосабливаться к каждой конкретной ситуации.

Восприятие мусульман европейцами будет все больше коррелироваться с религиозной, а не этнической принадлежностью. Нынешний президент Франции Николя Саркози в бытность министром внутренних дел издал небольшую книгу, в которой писал, что к мигрантам из Северной Африки, с Ближнего Востока нужно относиться именно как к мусульманам, утверждая, что «не видит в определении “французский мусульманин” ничего унижительного и шокирующего» и что мусульмане — «часть французского общества»²⁷ и (добавим мы) быта.

Европейские мусульмане, отходя от своей этнорелигиозной (марокканской, алжирской, пакистанской и пр.) традиции, все более склоняются в пользу интегрирующего универсалистского варианта ислама или к «евроисламу», который консолидирует их в единое социально-религиозное сообщество.

«Исламский вызов» европейцам — требование предоставить мусульманам возможность жить, следуя исламскому образу жизни (ношение платков в государственных учреждениях, введение «шариата для меньшинства»), не допускать оскорбляющих мусульман высказываний, культурных акций, самоприсвоенное право мстить за оскорбление ислама (реальное и мнимое) — все это в сочетании с разговорами и проповедями в мечетях о том, мусульмане составляют в Европе меньшинство лишь временно, а в обозримом будущем ввиду демографического кризиса превратятся в большинство, вызывает раздражение против мигрантов именно как носителей ислама. Недавнее частное, зато показательное тому свидетельство — состоявшийся в 2009 г. в Швейцарии референдум, результатом которого явился запрет на строительство в этой стране минаретов. Это была однозначно антиисламская акция.

В контекст исламо-европейских отношений вписывается и проблема вступления Турции в Европейский союз. «Турецкий вопрос» складывается из множества экономических, политических компонентов, и одним из его сложнейших аспектов оказывается религиозно-культурная совместимость. Открыто об этом политики говорят не столь часто. Но то, что вступление Турции в ЕС в глазах многих жителей Европы, особенно в Германии, Франции, Италии, выглядит как легитимация «исламской экспансии», представляется очевидным. Не будем забывать и демографию: через несколько лет Турция опередит по численности населения Германию и станет крупнейшей страной Европы. Ее *официальное* присутствие вызовет сдвиг в общеевропейской культуре.

Турция при всей «европеизированности» и признанной конфессиональной толерантности воспринимается в Европе как своего рода авангардный отряд ММ, неофициально выполняющий миссию утверждения мусульманского присутствия в Европе. Перед Брюсселем стоит непростая дилемма: вопрос о приеме Турции в ЕС встретил отрицательное отношение в европейском обществе, а отказ грозит негативными

²⁷ *Sarkozy N.* La République, les religions, l'espérance: Entretiens avec Thibaud Collin et Philippe Verdin. — Paris: Les Éd. du Cerf, 2004. — P. 24.

последствиями: в частности, «обида» Турции на непризнание ее европейской «полноценности» может вызвать ответную реакцию в виде большей самоидентификации в качестве мусульманского государства, усиления исламского акцента внутри страны. Если такое случится, дихотомия «Европа / мусульманский мир» будет ощущаться еще резче.

Для Китая понятие ММ достаточно абстрактно. Внешняя политика КНР прагматична, «китайские лидеры сосредотачивают внимание на обеспечении экономического развития своей страны при гарантии ее внутренней политической и общественной стабильности»²⁸. В такой политике нет места идеологемам. К тому же у Китая с XIII в. не было серьезных противостояний с мусульманством. Китайцы присутствуют в разных мусульманских регионах экономически, но избегают вовлечения в конфликты, минимизируя свою миротворческую деятельность. Эти конфликты не слишком затрагивают их интересы. Являясь одним из главнейших субъектов мировой политики, Китай относится к ним индифферентно. Это заметно и по сдержанности заявлений его политиков, и по конкретным действиям.

Перед Китаем не стоит вопрос о партнерстве или непартнерстве с Америкой либо с Европой. Его редко обвиняют в двойственной позиции по вопросу ядерной программы Ирана, в пассивности вокруг Афганистана. У Китая в отличие от России нет комплекса неполноценности в связи с минимальным влиянием на урегулирование ближневосточного конфликта.

В результате у Китая установилось взаимопонимание едва ли не со всеми мусульманскими режимами. Его принимают таким, какой он есть, не возлагая на него больших надежд, но также понимая, что его влияние на конфликты определяется не непосредственным участием в их разрешении, но самим фактом *нахождения рядом* такого колоссального государства.

Китай поддерживает прочные отношения с Ираном, откуда он получает нефть, закрепляется в Центральной Азии, правящие элиты которой видят в нем гаранта стабильности в регионе. При этом характер его деятельности — сугубо экономический, а его политики всячески отклоняют любые обвинения в экспансии.

Единственным для Китая объединяющим моментом с Западом и Россией на мусульманском направлении является борьба с экстремизмом и терроризмом. Как полагают авторы книги «Китай: бухгалтерский баланс», «...отношения КНР с Центральной, Южной и Юго-Восточной Азией и даже с Ближним Востоком отражают озабоченность Пекина трансграничным влиянием на его живущие на западе, особенно в Синьцзяне, этнические меньшинства. Китай хочет предотвратить подстрекательство сепаратизма и формирование антикитайских блоков»²⁹. Китай опасается усиления радикального ислама в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где действуют уйгурские сепаратисты (уйгуры составляют 12 млн из более чем 20-миллионного населения региона), ведущие борьбу под религиозно-националистическими лозунгами и получающие помощь от зарубежных единоверцев. Синьцзян — единственный участок, где Пекину приходится иметь дело с исламистскими активистами. По мнению американских исследователей Бетса Джилла и Мэтью Оресмана, «он озабочен тем, что радикальные исламские группы в Центральной Азии могут отстранить от власти дружественные ему режимы или как минимум обрушить их стабильность на границах с китайским Синьцзяном»³⁰. Такой подход представляется излишне алармистским. Вряд ли потенциал уйгурских

²⁸ Sutter R. Durability in China's Strategy Toward Central Asia — Reasons for Optimism // The China and Eurasia Forum Quart. — 2008. — Febr. — P. 4.

²⁹ Bergsten C. F., Gill B., Lardy N. R., Mitchel D. China: The Balance Sheet. — New York: Public Affairs, 2006. — P. 120.

³⁰ Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for U.S. Interests / Foreword by Z. Brzezinski; CSIS. — [S. l.], Aug. 2003. — P. 17.

национал-исламистов настолько велик, чтобы представлять для китайских властей опасность, подобную той, которая грозила России в ходе двух чеченских войн. Ислам для уйгурского сепаратизма вторичен и скорее является инструментом для поддержки и оправдания сепаратизма.

Тем не менее «Всемирный конгресс уйгуров», тяготеющие к исламу «Восточный Туркестан» и «Организация за освобождения Восточного Туркестана» время от времени дестабилизируют обстановку в регионе, провоцируя Пекин на применение силы. Уйгурские сепаратисты-исламисты обучаются в афганских лагерях «аль-Каиды», а возможно, и на территории Центральной Азии. Однако их количество и активность недостаточны, чтобы дестабилизировать обстановку.

В целом Китай, борясь против экстремистов, не выказывает большой заинтересованности в широком международном сотрудничестве. К тому же методы Пекина по подавлению уйгурского сепаратизма периодически вызывают негативную реакцию западных правозащитников. Китай, очевидно, рассчитывает на то, что рано или поздно уйгурская проблема может быть разрешена при помощи постепенной ассимиляции меньшинств. Заметим, что демографический путь решения политических проблем, на который в кризисных ситуациях зачастую уповают некоторые мусульманские политики, будь то на Ближнем Востоке или на Северном Кавказе, применительно к китайскому Синьцзяну не срабатывает.

Пожалуй, единственным практическим союзником Китая в решении синьцзянской проблемы остается Казахстан, который сам испытывает известные неудобства от деятельности уйгурских националистов, сепаратистские амбиции которых распространяются на территорию этой страны.

Поводом, хотя и ограниченным, для сотрудничества Китая с Россией в антитеррористической борьбе стала пекинская Олимпиада 2008 г. Заметим, что ни одного теракта в период ее проведения не произошло. Однако это можно объяснить не только эффективностью местных спецслужб, но и тем, что международные экстремистские организации не сочли для себя выгодным проведение акций против Китая.

Китай не является главной мишенью экстремистов. Китайская элита сознает, что из ММ для него не исходит никакой «всеобщей» угрозы. Китай и впредь будет выстраивать свои отношения с каждой отдельной мусульманской страной на двусторонней основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

США, Европа, Россия не могут отстраняться от внутренней ситуации в мусульманском мире. Однако им следует полностью исключить военное вмешательство во внутренние дела мусульманских стран, даже если некоторые из них окажутся перед угрозой гражданской войны. Подобное вмешательство допустимо в самом крайнем случае, когда речь идет о гуманитарной катастрофе. В этом случае оно может осуществляться только под эгидой ООН, причем целесообразно привлекать к нему государства, не связанные с предыдущими конфликтами.

Исключительной причиной для военной акции может стать только реальная исходящая от радикальных режимов по отношению к третьим странам угроза применения оружия.

Неизбежным остается сотрудничество с авторитарными режимами. Однако, взаимодействуя со светскими по сути режимами, невозможно абстрагироваться от их чувствительности к исламу, прочно встроенному в сознание элит. Помимо этого любая власть в ММ не может проводить полноценную секулярную политику как минимум из-за присутствия внутренней исламистской оппозиции, которая при каждом удобном случае станет обвинять ее в забвении религии.

Представляется разумным более осторожно, сообразуясь с местными реалиями, поддерживать идеи демократизации, которая, как показывает опыт, может способствовать успеху радикалов.

ММ постепенно дифференцируется на более и менее успешные с точки зрения социально-экономического благополучия страны. Очевидна группа «провальных» государств (Бангладеш, Йемен, Киргизия, Нигерия, Сомали, Судан, Таджикистан и др.), где сложилось или быстро складывается благоприятное поле для распространения радикальных и экстремистских настроений. В их отношении целесообразно принимать меры как общего, так и оперативного характера: систематически отслеживать настроения местного населения, особенно среди учащейся молодежи, оказывать помощь местным спецслужбам, следить за появлением и перемещением зарубежных эмиссаров, обращать внимание на потенциально харизматичных религиозных лидеров, выявлять места возможного появления тренировочных лагерей экстремистов.

Вместе с тем имеет смысл отказаться от однозначно негативной оценки исламизма, видеть в нем, во-первых, естественные для ислама идеологию и политическую практику, а во-вторых, выделять в нем умеренное, радикальное и экстремистское направления. Исламизм включая его крайнее выражение остается глобальным «долгожителем».

Одной из главных задач является предотвращение дальнейшей радикализации исламской идеологии. На это направлены усилия большинства мусульманских режимов. В странах, где мусульмане составляют меньшинство, эту задачу приходится решать местным властям, неправительственным организациям в сотрудничестве с лояльными мусульманскими структурами. Это невозможно без принятия конкретных шагов в социальной сфере. В то же время необходимы меры по «реабилитации», нужно вести постоянный систематический диалог с подверженными радикальным настроениям людьми, особенно молодыми.

Отдельно стоит вопрос о религиозном образовании. Разумеется, сопричастность немусульман к образовательному процессу — вопрос чрезвычайно деликатный. Однако все же существует возможность оказывать помощь в подготовке преподавательских кадров. Также имеет смысл содействовать тому, чтобы сделать исламское образование более открытым, т. е. содействовать приглашению светских лекторов.

За последние три десятилетия мусульманский мир преподнес немало сюрпризов — исламскую революцию в Иране, исламизацию палестинского сопротивления, 11 сентября, режим талибов. Состоялась политизация ислама, радикализация настроений мусульман, возросла ксенофобия. Выстраивая отношения с ММ, следует не только прогнозировать развитие ситуации в каждой отдельной стране, но и обязательно учитывать процессы, характерные для всей уммы.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

В серии «Рабочие материалы» Московского Центра Карнеги вышли:

2009

Выпуск 1. *Анна Бессонова.* Нефтедобыча в России: государственная политика и инновационные перспективы.

2008

Выпуск 1. Внутренняя ситуация в Иране: «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 28 ноября 2007 г.

Выпуск 2. *Нина Пусенкова, Анна Бессонова.* Блеск и нищета российской нефтепереработки.

Выпуск 3. *Алексей Малашенко.* Россия и мусульманский мир.

Выпуск 4. *Андрей Рябов.* Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи.

2007

Выпуск 1. Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г.

Выпуск 2. *Маррак Гулдинг.* Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество.

Выпуск 3. *Алексей Арбатов.* Москва – Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики.

Выпуск 4. *Нина Пусенкова.* Восток есть восток: Новая нефтегазовая провинция России.

Выпуск 5. *Андрей Макарьчев, Сэмюэл А. Грин.* Перспективы прозрачности в российском ресурсодобывающем секторе.

2005

Выпуск 1. *Марта Олкотт.* Владимир Путин и нефтяная политика России.

Выпуск 2. Гражданское общество: экономический и политический подходы.

Выпуск 3. Гражданское общество и политические процессы в регионах.

Выпуск 4. *Владимир Милов, Иван Селивахин.* Проблемы энергетической политики России.

Выпуск 5. *Чжао Хуашэн.* Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества.

Выпуск 6. *Анна Бессонова.* Требования ВТО и российское законодательство.

